

Николай Погребняк

ПАСТОРЫ

В ОШЕЙНИКЕ ДЬЯВОЛА

18+

НИКОЛАЙ ПОГРЕБНЯК

**ПАСТОРЫ
В ОШЕЙНИКЕ ДЬЯВОЛА**

© 2018 – **Погребняк Николай Иванович**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге. В книге рассказывается о том, с какой целью Западные религиозные организации тратят сотни тысяч долларов на создание своих реабилитационных центров для наркоманов на базе российских протестантских церквей, и о пасторах, ради их денег ставших «Иванами, родства не помнящими».

ISBN 978-1-387-54759-3

Наташкин дневник

– Галя, здравствуй!

– Коля?! Неужели это ты?! – оглянувшись на оклик и взглядевшись, громко и радостно воскликнула женщина, деловито шедшая вдоль поезда, только что прибывшего из Кисловодска.

– Коля, дорогой, как я рада видеть тебя! – с восклицанием, нет, сильнее, – с радостным воплем бросилась она на шею; при этом её пустое ведро со всего маху треснуло меня под лопатку.

– Ой, сколько лет мы не виделись?! Лет пятнадцать, не меньше! – затараторила она, отступив на шаг и беззастенчиво разглядывая меня. Пред её взором предстал стареющий мужчина с профессорской бородкой и поавторитетневший на... – не стану уточнять, на сколько килограмм.

Галя же ничуть не изменилась: как была стройной, порхающей болтушкой-веселушкой, так и осталась. Пожалуй, только взгляд повзрослел.

– Ты кого-нибудь встречаешь здесь? – спросил я.

– Да нет, пришла к поезду купить вишни. Раньше никогда не ходила, а тут как будто кто позвал... вот и встретились. А ты, вижу, приехал с юга, – был в отпуске?

– В отпуске. Только не на море, а в деревне у родителей. Дом им снаружи подштукатурил, побелил, да к зиме...

– Как я рада! Ведь как вы переехали, я ни адреса, ни телефона ни у кого не могла узнать, а потом и мы переехали, – весело перебила меня Галя, – ты не торопишься?

– Нет, но чем мешать людям здесь на перроне, или так, наскоком, пока мой поезд стоит на перроне, приезжай лучше к нам в гости, мы с Верой будем очень рады.

Обменявшись адресами и номерами телефонов, мы расстались. Расстались, чтобы вскоре встретиться. Так,

волею случая возобновилось наше старинное знакомство. Много воды утекло с той поры, мы живём в другом городе, а увидел Галю, как будто вчера расстались.

Когда приехала долгожданная гостья, началось: «А помнишь?! А слышала?».

«Коля, ты случайно не знаешь, с кем из церковной молодёжи в свои последние месяцы общалась Наташка, ведь её мама, кажется, ходила в ту же церковь, что и вы с Верой?» – когда мы углубились в воспоминания, спросила Галя.

Середина девяностых – неимоверно трудная и в то же время чрезвычайно интересная тогда была жизнь. Неистовые девяностые!

«Из ваших церковных она ни с кем не общалась (в ту пору Галя ходила в протестантскую церковь, потом уехала к родителям, потом снова вернулась, но ходить начала уже в Православную Церковь, где мы и познакомились), но я помогал её маме с похоронами, и она давала почитать дневник своей дочери», – ответил я, а сам подумал, что с тех пор почти не вспоминал про Наташку. Не Наташу, не Наталью, а именно Наташку, полную противоречий чудную девчонку Наташку – именно так называла свою дочь её мама, именно так называли её друзья.

– Ой! Как бы и я хотела увидеть тот дневник, – вспыхнула, но сразу же угасла, обмякла Галина. Погрузилась в себя наша Галка – бойкая женщина, закалённая трудностями жизни. Как она иронично говорит о себе: женщина с замороженной молодостью.

Видя резкую перемену настроения, я было подумал, что понимаю почему: сколько бы лет не прошло, ни радость, ни тем более причинённая душевная боль не исчезают бесследно. Текущие житейские хлопоты могут припорошить память, но стоит дунуть ветру воспоминаний, и вот они – верхушки "камней" былых переживаний.

– А зачем тебе – ради удовлетворения своего бабьего любопытства?

– Не обижай меня, ведь она, её слова и дела оставили в моей жизни очень глубокий след. Я тогда не понимала, насколько глубокий.

– Извини, пожалуйста, за глупый вопрос! Дневника, конечно, у меня нет, но, прочитав, я тогда сделал для себя конспект. Сейчас отсканирую листочки и распечатаю для тебя.

Дальше по традициям литературного жанра должен появиться пыльный чердак и с трудом найденный в сундуке (желательно, на самом дне сундука) блокнот и прочая экзотика. Но ничего такого не было. Оставив Галю и свою жену, Веру, пощебетать о своём, о женском, я вышел в другую комнату. Быстро нашёл в книжном шкафу нужную папку-скоросшиватель и достал из неё мультифору с литературными заметками о Наташке.

У меня в руках – пожелтевшие листы дешёвой бумаги с напечатанным на печатной машинке текстом. Перелистываю их, глаза пробегают по страницам, но душа не рвётся читать. Вместо чтения – воспоминания. Даже про сканирование забыл.

Как уже сказал, дело было в середине девяностых. Люди постарше помнят, как тогда мы всей страной не получали зарплаты, как жили на одной лапше, разбавляя её тем, что не успели спереть с наших дачных участков "добрые люди". И вот в ту "золотую пору" в протестантскую церковь, в которую зазвала Галю её подруга, приехал из Америки некий миссионер и предложил организовать центр по реабилитации наркоманов и алкоголиков. Пастор и епископ тут же согласились, подобрали денег (сумму, равную примерно полутора тысячам долларов – по тем временам казалось, что это большие деньги), за мизерную зарплату призвали троих прихожан для работы в этом так называемом

Центре и привели с улицы шестерых наркоманов – четырёх парней и двух девушек. Ни помещений, ни даже средств на пропитание у них не было, поэтому перебивались натуральными жертвоприношениями членов церкви. Для парней сняли комнату, а девушек пустила к себе наша Галя-Галочка. Как объяснил ей пастор, тех девушек надо пустить к себе ради странноприимства. Естественно, вскоре авантюра развалилась, наркоманы разбежались, работников уволили, а Галя хватилась – украдены все зимние вещи – всё, что было поновее.

Что на это сказать? Если с грустной иронией, то наркоманы обворовали её ещё милостиво, не всё вынесли из дома: так сказать, "отблагодарили" за гостеприимство и хлеб-соль. Но то были наркоманы, а как назвать церковнослужителей, втянувших людей в такую авантюру?..

Старые листочки всколыхнули душу, я и сам не заметил, как погрузился в чтение.

«Мы верим» – так Наташка назвала свой дневник. Название дневника звучит обнадеживающе. Звучало...

Вспомнились, как будто всплыли пред глазами старательные буквы на обложке дневника: тонкой школьной тетрадки в клеточку, по контуру обведённые красной пастой.

«15 октября. Так получилось по милости Божьей, что я здесь, в Программе. Когда дошла до края, когда ничего уже не приходило в голову, как покончить со своей никчёмной жизнью, я оказалась здесь.

Я искала любви везде и по-всякому, но не нашла. Не нашла! Хотела заглушить боль души наркотиками, но вскоре получила новые боли, моральные и физические. Тогда решила заработать много денег, чтобы красиво выглядеть: может, в этом счастье? Но вышло так, что все деньги ушли на то, чтобы колотья.

Два раза лечилась в наркодиспансере. Претерпевала ломку, но оставалась психическая зависимость, и голос

внутри говорил, что нет спасения. Чтобы забыть кайф, нужно отрубить себе голову, тогда точно не будешь об этом думать. Когда выходила из больницы, ласковый голосок внутри внушал: "Вспомни, как было здорово! Тем более, с одного раза с тобой ничего не случится. Вспомни всё, ведь это твоя судьба", – и я снова и снова поддавалась на обман. Так или иначе, но всё шло к смерти. После очередного... приходила домой и плакала в отчаянии, но что-то удерживало, не давало покончить с собой. И я стала откладывать своё решение: всё, завтра точно. Но пока промотаешься в поисках, день уходит и снова на завтра...» – так Наташка начала свой дневник – небольшой по объёму, но так много вместивший в себя – целую жизнь.

Может, кому из читателей и не понравится, что я отвлекаюсь, не цитирую конспект полностью, – увы, как сам перечитывал его с остановками, с размышлениями, так и цитирую.

Для кого она писала – для себя или для посторонних глаз? Наверное, для себя, но и для других, как некую апологию. Апологию даже не столько за себя, сколько за сотни тысяч юношей и девушек, в те годы наполнивших своими телами кладбища нашей страны. Если не так, то не только не стоит, а даже преступно обнародовать её мысли, её переживания.

Итак, апология. Повествование о той стихии эмоций, мечтаний и неразберихи, творившихся в голове и сердце героини рассказа, о её суждениях, взятых, с одной стороны из горького жизненного опыта, а с другой – из услышанных проповедей.

«21 октября. Господь услышал мои мольбы о смерти, я говорила: "Господи, возьми меня, в смысле на тот свет", – и Он взял, только не в смерть, а к Себе. Может, не хотел, чтобы я пошла в ад. Спасибо Господу Богу! Он свёл меня с людьми, которые привели меня в церковь и в Программу.

Если бы не Бог, я бы даже ломку не выдержала, сразу же ушла бы. Но мы молились, и её как таковой не было. Дьявол тоже не дремал, он нагнетал воспоминания и желания, чтобы увести назад, в грех и в смерть, но у Бога, видимо, все же есть план для меня, поэтому я здесь, я осталась...

Теперь расскажу о своей жизни в Программе (в Центре реабилитации). Уже больше двух месяцев, как я молюсь, но ещё не очень хорошо получается – в основном, языком говорю, а сестра из церкви учит, чтобы уста от сердца говорили. По мирской музыке и телевизору сильно скучаю: не считаю, что мне это может помешать. Курить не курю, материться не матерюсь, – слава Богу! Даже не ругаюсь, сердиться приходится иногда, но быстро остываю. Чувствую конкретные изменения и на самом деле думаю, что всё это заслуга Духа Святого. Аллилуйя! Все так же крашусь (как в миру), но здесь некого привлекать, просто осталась привычка к макияжу и желание одеваться по своим вкусам. Шутки остались, иногда за них мне стыдно перед братьями и сёстрами в церкви. Всё это я записываю, чтобы увидеть изменения во мне.

У меня в церкви чудесные сестры и братья, но в голову лезут всякие мысли: да вот они... или да вот ты... Грешные мысли.

С сегодняшнего дня я решила делиться с Господом всем, даже тайным, тем более что Он и так всё видит и слышит, что бы я ни думала. Я люблю Бога, но на втором месте (мне нравится...). Буду и дальше вести дневник, а сейчас откровенный разговор с Богом (молитва), во всяком случае, я на это настроена.

24 октября. Сегодня не было занятий. Потом взяла и обиделась на всех, и было так плохо, и я не пошла на вечернее служение в церковь. Хочу побыть с Богом, Он у меня единственный друг, Который выслушивает и воспринимает меня такой, какая есть. Оставшись одна,

поняла, что только Он не оставил меня из-за моего психа. Почувствовала Его тепло и начала понимать, что начинаю Его любить всё крепче и крепче, и меня это не пугает, а радует. Он меня не бросит, что бы ни случилось.

В последнее время мне стало страшно общаться с кем-либо. Шутки мои неуместны, и к братьям я не имею права подходить – так нам сказал директор Программы. Я с этим не согласна, ведь я подходила поговорить без всяких таких мыслей».

«Какие разные настроения и в то же время, какая откровенность!» – удивился я, читая дневник. Сначала я читал Наташкин дневник и радовался – радовался, даже зная, что произошло потом, в конце. Так заразителен был восторг Наташки 21 октября. Но прошло три дня, и уже – одиночество и унылое нытьё.

По вере ли была её жизнь? Нет. И дело вовсе не в перемене настроения, а в хрупкости взаимоотношений и с людьми, и с Богом. Пока Господь готов терпеть и принимать её такой, какая она есть, она согласна быть верующей и даже питать к Богу некое нежное чувство, но как только Господь воззвал: «Освятитесь, ибо Я свят!»...

Четвертая и, к сожалению, последняя запись была сделана спустя месяц.

«28 ноября. Как и думала, что, перечитав свою писанину, надолго отобью желание писать. У меня и сейчас его нет, но чувствую, что надо.

Как рано я обрадовалась добрым переменам, но стоило бросить читать Библию и молиться, как сразу же поняла, что не смогу идти "узким путем". Думала, что самоконтроля и силы воли хватит, но, Боже мой! Я спохватилась слишком поздно!

Сначала дьявол (а может, моя похоть, не знаю) предложил посмотреть телевизор – я смотрела всё подряд – "ела его глазами"; тем более, что мы жили на квартире у

Гали, и телевизор был под рукой. Появились мысли о том, что всё-таки там, в миру, здорово. Стоило мне разоблачить, что телевизор делает работу сатаны и помолиться, пришло следующее испытание. Занятия у нас прекратились, стало много времени, а телевизор не хочу. И тогда, подловив момент, дьявол подослал мне парня, ушедшего из мужской Программы. Он позвонил, и, когда я выглянула в подъезд, сидел у окошка и делал себе укол и не мог, все вены попробовал. Может, ждал, что и я захочу, но у меня обратная реакция – такая неприязнь, как он посмел прийти и дразнить?! Потом он попросил уколоть его, не знаю, зачем, но я согласилась и потом об этом сильно пожалела. Вечером в памяти чувственно ощущалась та "машина" в пальцах, тот холодок от дозы. Это было мучительно. Я опять молилась, но молитва не шла: слова как будто прилипали к языку.

На другой день, когда инструктор вышла по делам, снова – звонок в дверь. Открыв дверь, увидела, как потом поняла, "дьявола во плоти" – это был мой любимый парень из мира. Он пришёл уколотый и принёс дозу, и произошло то, чего я так боялась. Я даже не пыталась отказываться: второй раз он бы не предложил, но, главное, второй раз уже не пришёл бы никогда.

Почему я решила, что это от дьявола? Да потому, что после первого укола он вышел и через пять минут, если не меньше, принёс ещё два куба. Нам стало хорошо, никаких проблем. Закрылись, закурили. В дверь звонили, стучали, но я не хотела открывать, я боялась, что всё закончится – закончится эта тишина, покой и целая пачка сигарет. Курила одну за другой – такое ощущение, что я ими дышала.

Представляю, как Бог на всё это смотрел.

Теперь я мучаюсь, мне стыдно, даже не знаю, как выразить. А ещё я не знаю, как быть дальше. Тогда, когда была с Господом, казалось, я летала, а теперь хоть бы голову поднять. Обидно – попалась в смертельную ловушку

дьявола, как мышь на кожанку от семечки. Боюсь, что начну сомневаться в своём возвращении к Богу, боюсь обратиться к сёстрам из церкви. Буду молить Господа о пощаде».

Я дочитал последний листочек и аккуратно, даже с каким-то внутренним трепетом, положил его на место.

Дальше Наташка дневника уже не вела, наверное, утратила надежду.

За свой проступок она была исключена из реабилитационного центра. И вскоре вернулась к наркотикам, вообще перестала общаться с верующими. Через полгода она умерла – покончила жизнь самоубийством, выпив таблетки. Перед этим они с подругой купили наркотики, и Наташка уколола ей "передозировку", от которой та скончалась.

Когда по просьбе её матери мы забирали Наташку из морга, там лежало ещё семь молодых людей, умерших от наркотиков. В гроб, по принятому в мире обычаю, её, как незамужнюю девушку, положили в белом подвенечном платье. Но мне запал в память её паспорт – он был совсем новый, ещё почти никаких отметок, ей шёл двадцать первый год – самое начало жизни...

Если оценивать Наталью буквой закона, то какая будет запись в книге её жизни? Наркомания, воровство, проституция, непреднамеренное убийство и, наконец, самоубийство, – столько грехов, да ещё каких грехов, на одну юную душу. Неужели и её любил Бог? Ладно, Бог – Он всех любит – и её тоже любил. Но люди – неужели такую могли любить люди? И могли, и любили. Не потому, что написано: «Возлюбите!», а потому, что её легко было любить. Душевная искренность и отзывчивость в Наташке непостижимейшим образом умудрились совместиться с эгоизмом и злыми делами. Как выразился герой одного мультфильма: «Ну, и что, что жадничаю, зато от чистого сердца!».

Она заразительно хотела любви, беззаветной любви, но сама не могла, да, наверное, никогда и не думала подарить такую беззаветную любовь. Она заразительно хотела счастья и радости, но пожертвовать чем-то своим для счастья и радости других ей даже не приходило в голову. Скорее всего, за стремление к светлому, за её мечты любили Наташку окружающие.

На стол собрали во второй раз и позвали меня ужинать. Действительно, что-то я засиделся, и стало неудобно перед гостьей: столько лет не виделись, а я всё не выхожу из своей комнаты. Галя, наверное, думает, что никак не могу найти обещанный дневник. Ладно, пусть лучше так думает, а то совсем бестолково получилось, нашёл время читать.

После ужина, быстро отсканировав и распечатав, передал копию Гале. Она, взяв листочки, тоже не удержалась и тут же стала читать и перечитывать. И лицо её то освещалось внутренним светом, то помрачалось. Галя, дорогая Галя, теперь я понял, почему, узнав, что у меня есть конспект Наташкиного дневника, так дрогнул твой голос. Нет, не обиду ты вспомнила, а шепутную красавицу Наташку и встrepенулась, надкололась твоя душа. Поверь, дорогая Галина, мне было бы легче видеть, что ты всплакнула, как все бабы.

Я рассказал про судьбу одной девушки, всего лишь одной. Пожалуйста, не делайте обобщений, не ищите морали. Но когда случится у себя в городе или в деревне побывать на кладбище, пройдитеcь вдоль могил последней четверти века – сколько там лежит молодых. И взглянув на одну из таких могилок, подумайте, может, эта девушка была прообразом Наташки? Только подумайте, и ваша душа станет добрее.

Прочитав рассказ, мой старый добрый друг Степаныч удивлённо хмыкнул, потом снова перечитал и спросил: «И как это ты, Николай, умудрился так правдоподобно описать переживания наркоманки, находящейся в реабилитационном центре?» Потом, не дожидаясь ответа, выдал критическое заключение: «Хотя... нет, не очень правдоподобно: Наташка получилась какая-то слишком интеллигентно-ранимая, не верится, что она занималась проституцией ради дозы». И тут же снова опроверг себя: «А, с другой стороны, не зря же классик сказал: есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

– Не умничай, – перебил я его, – а просто скажи: понравился рассказ или нет?

– Понравился, – уже серьёзно ответил он. Потом, спустя минут пять, не меньше (ох, уж эти паузы Степаныча!), добавил: мог бы понравиться, если бы речь в нём шла только о девчонке – наркоманке, искавшей любви и спасения и нашедшей их во Христе, но потом погибшей из-за того, что отступилась от Иисуса Христа и возложила своё упование на человека. Но ты в своём рассказе затронул тему о деятельности реабилитационных центров, создаваемых в протестантских церквях нашей страны по инициативе зарубежных религиозных организаций. Не зная духовной сути этих Центров, или как ты назвал их, Программ, ты решил, что беда с Наташкой случилась лишь из-за того, что церкви не было денег на создание полноценного реабилитационного центра, развёрнутого не в черте города, а за городом, в какой-нибудь пустующей базе отдыха.

Хотя Степаныч никакого отношения к литературе не имеет, его мнение для меня много значит. Мнение не столько как литературного критика, сколько как человека мудрого, умеющего увидеть глубинную суть проблемы, описанной в том или ином моём произведении.

– Ты прав – ответил я – я действительно мало знаю о реабилитационных программах, создаваемых в протестантских церквях по инициативе Западных религиозных организаций. Поэтому и упомянул о Программе лишь вскользь, подобно тому, как драматург упоминает о заднем плане в своей пьесе, сосредоточив основное внимание на диалогах и переживаниях героев. Но если ты считаешь, что не столько друзья наркоманы виноваты в том, что Наташка погубила душу и тело, сколько «задний план», то докажи это. Докажи, что реабилитационные центры, создаваемые у нас по инициативе Западных религиозных организаций, губят людей!

– Никому ничего доказывать я не хочу, а вот аргументированно обосновать, почему считаю, что Реабилитационные центры прозападного образца губят души российских людей, попавших в их сети – это постараюсь сделать – солидным тоном, дабы я прочувствовал всю серьёзность его слов, ответил друг. Но с кондачка, в двух словах об этом не скажешь, прежде нужно подумать. Нужно провести анализ тактики деятельности Западных организаций, вкладывающих большие деньги в создание реабилитационных центров на базе российских протестантских церквей и выяснить стратегические цели, к которым стремятся эти организации. Затем нужно понять, чем руководствуются российские пасторы, вступившие в сотрудничество с Западными религиозными организациями, и, конечно же, нужно рассказать и о том, с каким душевным и духовным богатством выходят «выпускники», прошедшие программу в этих Центрах.

– Тут получится разговор не на один вечер, и материала наберётся на целую книгу, – оставив всякое легкомыслие в предчувствии новой большой работы, – ответил я. Понять, почему Западные религиозные, а может, и не только религиозные организации вкладывают в реабилитационные

центры для российских наркоманов миллионы долларов – это не просто любопытно, но и важно. Может, даже жизненно важно для многих и многих наших молодых людей.

Итак, решили, будем писать об этом!

Ох, уж эти Западные реабилитационные центры!

Вчера мы со Степанычем приняли решение написать книгу о тайных помыслах Западных спонсоров, открывающих на базе Российских протестантских церквей свои реабилитационные центры для наркоманов.

Ой, извините, дорогие читатели, прежде я должен представить вам Степаныча – своего соавтора и аналитика!

Мы с ним учились в одной группе в институте. Рослый парень с гривой прямых чёрных волос, к которому кличка «Степаныч» приклеилась ещё на вступительных экзаменах – именно таким он вошёл в студенческую жизнь. Уже в ту беззаботную пору ему были присущи такие черты, как цельность характера и бескомпромиссная неприязнь ко всякой душевной подлости и лживости, и в то же время все эти волевые качества каким-то непостижимым образом сочеталось в нём с детской мечтательностью, даже ранимостью. До наступления сильных холодов, то есть, до наступления настоящих сибирских морозов он ходил в чёрной куртке из толстой кожи. Куртка была изрядно потёртой, но Степанычу она была дороже любой тогда модной фирменной «аляски».

Потом, когда мы учились уже на старших курсах, рассматривая его домашние фотографии, я обратил внимание на шкуру большой рыси, висящую на стене над диваном. На

вопрос: «Откуда она взялась?» – он снял с вешалки свою толстокожую куртку и, показав на выдранный сзади на плече клочок и на процарапанные по спине полосы, сказал, что это следы той рыси.

Степаныч, как и я, был родом из Казахстана. Родители его жили в небольшом рабочем посёлке золотодобытчиков: отец работал водителем на руднике, а мать учителем русского языка в школе. В свободное время отец любил походить с ружьём по окрестностям, и однажды зимой на него сзади прыгнула с дерева рысь. Но не удержалась и упала: когти проскользнули по заиндевелой гладкой толстой коже. Отброшенный толчком, отец, падая, успел развернуться и почти в упор выстрелил в неё.

Результат я и увидел на фотографии.

После института по распределению мы были направлены на работу в разные города и на четверть века расстались, только изредка переписывались. Но потом, – не знаю, то ли волею судьбы, то ли по Божьему промыслу снова стали жить в одном городе, и испытанная временем дружба сразу же возобновилась. Только теперь мы дружим уже семьями.

Что ещё сказать? В середине девяностых годов Степаныч стал членом одной из протестантских церквей. Они с женой Любовью (он зовёт её Любавушкой, вот и мы стали называть не Любой, а Любовью) стали ходить туда не из каких-то идейных или религиозных соображений, а просто, потому что собрания этой церкви проходили рядом – через дом от них.

Конечно, то, что мы принадлежали к церквям разных деноминаций, теперь, когда стали встречаться, приводит к спорам по церковным и богословским вопросам. Но, с другой стороны, через наше общение и нашу дружбу мы учимся уважать верующих других христианских деноминаций, если те искренне веруют и любят Господа

Иисуса Христа, а также серьёзно и ответственно относиться к учению, к слову Божьему.

Я не оговорился, сказав: принадлежали, ибо в двухтысячных годах Степаныч и Любава вышли из протестантской церкви – Господь вывел их.

«Да, рассказ про Наташку мне понравился, понравился рассказ...» – бурча себе под нос эту фразу так, как мы, будучи увлечены работой, напеваем сами себе песенку, собиравшись с мыслями мой друг. Потом выдал: «Хочешь, я расскажу тебе, что было дальше?».

– Если ты имеешь ввиду мой рассказ, – уточнил я, – то дальше и так всё ясно: Наташка умерла, Галя ушла в Православную Церковь, вот и всё.

– Нет, я хочу рассказать о той протестантской церкви и о её пасторе: они ведь остались – уже настроенный поделовому уточнил мой друг.

– Но ты ведь не мог знать Наташки, потому что она является персонажем художественного произведения, то есть авторского вымысла, а, значит, не можешь знать и церкви, – не сдавался я.

– Ну и что. Зато я знаю пастора, чья совесть лишь в силу обстоятельств или Божьего промысла не была отягчена смертью подобных «Наташек», но сам он не только способен на такие авантюры, а всей душой стремится к ним. Дальше ты и сам убедишься, насколько обоснованно я могу назвать этого пастора прообразом того, о котором ты упомянул в своём рассказе.

«Итак, слушай и записывай!» – решительно закрыл нашу полемику Степаныч.

Пастор Янус – о нём я поведал рассказ – розовощёкий блондин среднего возраста, среднего роста, не скажу, что полный, но довольно солидного вида. Характер у него каменный, всесокрушающий, он не терпит возражений, но почти никогда не проявляет этих своих черт, а искусно

скрывает их за маской тихого и мягкого общения, при этом как бы обволакивая волю собеседника.

Роспуск реабилитационного центра и смерть Наташки не привели пастора Януса в уныние, даже ничуть не обескуражили его. Из неудачной попытки создать реабилитационный центр он извлёк для себя не скажу, что урок, а некое правило: чтобы быть успешным в любом деле, даже в церковном служении, прежде всего, нужны деньги – много денег. Впитав это правило всей душой, Янус начал искать спонсоров – не для какого-то конкретного дела, а вообще спонсоров.

Видя, что в России таковых найти трудно, почти невозможно, он обратил свой взор на Запад. Сначала он предлагал Западным партнёрам различные евангелизационные проекты, потом благотворительные программы, но всё это не привлекало спонсоров, а если и были пожертвования, то были они одноразовыми и очень незначительными. Только через пять лет, после довольно продолжительной поездки в США, Янус приехал с программой по открытию центра для реабилитации наркозависимых, естественно, с американской программой, и, что было для него очень важно, с договорённостью по её финансированию (он мог бы найти спонсоров в любой другой стране Западной Европы или в Канаде, или в Австралии, но так получилось, что сотрудничество спонсоров он нашёл именно среди религиозных структур Америки)

Здесь нужно уточнить: если вначале, когда по неопытности всё закончилось трагической смертью Наташки, верующие действовали исключительно по порыву сердца, из желания помочь людям, попавшим в наркотическую зависимость, то теперь действиями пастора Януса руководила мощная организация, имеющая не просто большие, а огромные средства и через программу

реабилитации наркоманов стремящаяся достичь каких-то своих целей.

«После той поездки пастор Янус переменялся и внешне, и внутренне», – после короткого кофейного перерыва продолжил свой рассказ Степаныч. Внешне мне бросилось в глаза, что он перестал, как говорится, считать деньги. А внутренне... нет, он не стал более грубым или недоступным, он по-прежнему внимательно выслушивал проходящих к нему людей, но выслушивал их уже с таким внутренним превосходством, как у... – даже не знаю, какую подобрать аналогию? Пожалуй, подойдёт такая: с таким внутренним превосходством над собеседником, какое в Средние века испытывал переодетый простолюдином член могущественного тайного ордена, когда беседовал с обычным крестьянином.

Но что-то я отвлёкся от темы.

Итак, центр по реабилитации наркозависимых, а короче говоря, Реабилитационный центр или Центр.

Сначала пастор Янус выкупил пустующую базу отдыха, потом ещё какие-то здания – точно не знаю, а потом было, как в твоём, Николай, рассказе: за мизерную зарплату призвали из церкви работников, с месячишко обучали их и набрали первую группу наркоманов, потом ещё одну группу, потом ещё. Но, повторяю, в этот раз спонсорская поддержка не только не иссякала, а, наоборот, с каждым годом увеличивалась.

– Американская спонсорская поддержка, – уточнил я.

– Естественно американская, какая же ещё? – подтвердил Степаныч и продолжил повествование. Как я слышал, за три года Центр отладил «конвейер» реабилитации и значительно расширился: появилась своя хлебопекарня, выпускающая булочки и пельмени, своя пошивочная мастерская. Клиенты, или лучше назову их студенты, проходящие программу реабилитации, сам

понимаешь, утруждать себя какой-либо работой не привыкли, поэтому пришлось набирать ещё работников из членов церкви.

Для привлечения новых спонсорских пожертвований нужно было набирать всё новые и новые группы «студентов». И по инициативе Януса была развёрнута широкая рекламная компания: в почтовых ящиках всех жителей города периодически стали появляться брошюры и листовки с призывом пройти курс реабилитации в этом Центре. Так прошло ещё семь лет, а потом...

Любая активная деятельность и широкая известность – это "палка о двух концах". И "вторым концом" стали неприятности, которые обрушились на директора Реабилитационного центра и на пастора Януса. Началось всё с того, что несколько человек из тех, кто видел изнутри, как происходит так называемая реабилитация, начали писать в разные инстанции возмущённые письма; начался сбор подписей с требованием закрыть программу, как антигуманную. Затем подключилась пресса. А потом и органы власти заинтересовались, что это за Центр такой?

Как только начались проверки, директор вместе с женой уехал за границу. А Янусу такой вариант не подходил: если он закроет Реабилитационный центр и уедет, то не только потеряет прибыль, но ещё и отвечать придётся перед заокеанскими "благодетелями" за потраченные деньги. Оставалось только выкручиваться в различных инстанциях да оправдываться в судах. Но, как понимаешь, Николай, долго пребывать в таком неопределённом состоянии пастору было нельзя, нужно было любой ценой добиться прекращения расследования. Любой ценой.

– «А потом? Потом закрыли всё-таки Реабилитационный центр или нет?» – не утерпел я в ожидании развязки.

– Зачем спрашиваешь? Мог бы и сам догадаться, что примерно через год я снова увидел в своём почтовом ящике

рекламные проспекты с приглашением пройти курс реабилитации в их Центре?

«По самой поверхностной прикидке получается, что Реабилитационный центр, о котором ты рассказал, за десять лет обошёлся американцам уже даже не в десятки, а в сотни тысяч долларов», – удивился я своему открытию.

– Меня тоже смущает, почему какие-то неизвестные нам американцы готовы тратить сотни тысяч долларов на создание и содержание центра по реабилитации наркоманов в далёком Сибирском городе, о котором и из россиян-то мало кто слышал? Не за "спасибо" же они вливают сюда такие деньги? Значит, у них есть свой интерес – хотелось бы узнать, что это за интерес? – подхватил Степаныч мой комментарий, как будто тоже думал об этом.

– О том, кто конкретно дал команду на сбор средств для пастора Януса, мы с тобой вряд ли когда узнаем. А вот над вторым вопросом: «Чьи интересы продвигаются в Реабилитационных центрах?» – можно покумекать. Но прежде чем "кумекать", нужно собрать детальную информацию по данному вопросу и проанализировать её.

Итак, что мы знаем?

– «Не мы, а вы», – перебил меня товарищ, довольный тем, что удалось к месту вставить фразу из популярной комедии.

– Хорошо, для начала, расскажу, что знаю, – сделал вид, что не заметил его каламбура, тут же согласился я.

Во-первых, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что заокеанские спонсоры жертвуют деньги не вообще российским протестантским церквям и не на гуманитарную помощь для нуждающихся стариков и инвалидов, а только на определённые программы, такие, как протестантские библейские школы и протестантские реабилитационные центры. Ключевым словом здесь

является: «протестантские». А общей чертой этих спонсорских программ является то, что они предназначены для привлечения и последующего интенсивного наставления в течение довольно длительного срока (не меньше года) молодых и честолюбивых людей, я бы даже сказал, амбициозных людей.

Во-вторых..., а что, во-вторых, вот так с ходу сказать не могу, тут нужно кое-что сопоставить.

Мне сейчас на память пришла одна история, давай, я её расскажу, а там видно будет. Начну по порядку: к нам в Православную Церковь ходит довольно обеспеченный человек, так вот, он как-то упомянул, что пришёл сюда после того, как протестантский служитель, завлекая его к себе в церковь, подарил футболку с надписью: «The United States of Siberia» – по-русски это значит: «Соединённые Штаты Сибири». Миссионеры, которые привезли такие "сувениры", приехали тогда не только с футболками, они навезли ещё кучу американских и канадских флажков, много значков и прочих разных ярких безделушек со своей государственной символикой и надписями на английском языке, а ещё привезли много ярких детских книжек с картинками. Книжки были на библейскую тематику, естественно, на русском языке, но кто проверял, что кроме учения Христова там ещё подспудно внушалось ребятишкам?

– Я видел, с каким восхищением дети членов нашей церкви разбирали, даже расхватывали такие подарки – грустно заметил Степаныч. Дело было в серые и голодные девяностые годы, когда мы не то что месяцами, а годами не получали зарплаты...

– Теперь, после того, как рассказал историю, кажется, я определился с тем, что является: "во-вторых" – встрял я в воспоминания друга. Дело в том, что протестантским религиозным структурам нужно не только привлечь к себе людей, но и удержать их у себя, а ещё лучше, сделать своими

адептами или даже ревностными агитаторами – ради такого денег не жалко. А протестантские центры по реабилитации наркозависимых – это идеальное место для достижения таких целей.

Приходящим туда людям сначала помогают избавиться от химической ломки, и потом, когда они проникнутся доверием к своим благодетелям, им начинают изо дня в день втолковывать, что это Бог им помог и что только в этой церкви истинная вера во Христа, а во всех остальных Христианских деноминациях ересь и идолопоклонство, особенно в Русской Православной Церкви. Если учесть, что большинство наркоманов являются людьми, с одной стороны, разочаровавшимися в своей жизни, а с другой стороны, не знающими ни своей национальной культуры, ни православных духовных ценностей, то ясно, что им легко можно внушить любое учение.

Таким образом, во-вторых, или вторым обстоятельством, на которое нужно обратить внимание, является то, что в протестантских реабилитационных центрах «студентов» в течение года настойчиво приучают к мысли, что только в протестантских церквях (читай, только в этой протестантской церкви, только у этого пастора) истинное поклонение Богу.

– Те, кто видел библиотеку Реабилитационного центра, поддержал и одновременно продолжил мои рассуждения Степаныч, вспоминали как само собой разумеющееся, что она заполнена, просто заполнена книгами западных авторов, таких, как Дерек Принс, Бенни Хинн, Ульф Экман и подобных им. А если и попадались русские авторы, то, как правило, это были харизматы – ученики вышеперечисленных иностранцев, что лишь усугубляло картину. Как понимаешь, Николай, даже не начитавшись, а, только насмотревшись в течение года на корешки книг в библиотеке Центра,

«студенты» волей-неволей начинали думать, что только эти книги являются духовной литературой.

– Задетый за живое, взволновавшись от слов Степаныча, я воскликнул: «Не скрою, что догадывался о том, что в библиотеке протестантского реабилитационного центра не будет книг Иоанна Кронштадтского или Феофана Затворника, но чем им не угодили Апостол Варнава и Игнатий Богоносец или, например, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов? Не говорю уже о том, как они – русские люди – могут считать себя хоть мало-мальски образованными, не читая Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Достоевского, Булгакова, Солженицына и других классиков?»

– Но ты же понимаешь, что зарубежные "спонсоры" вкладывают деньги в реабилитационные центры здесь, в России, не для того, чтобы выходили из них высококультурные и высокодуховные люди, которые способствовали бы процветанию нашей страны.

– Это будет уже, в-третьих, то есть третьим обстоятельством, на которое нужно обратить внимание, чтобы выяснить ответ на вопрос: «Чьи интересы продвигаются в Реабилитационных центрах прозападного образца?» – возвратился я к теме нашего исследования.

Итак, на основании первых трёх факторов можно сделать вывод, что "спонсоры" преследуют в нашей стране две цели: первую – видимую и понятную для всех – это добиться того, чтобы наркоманы в течение какого-то времени не употребляли наркотики, и вторую цель – скрытую от посторонних – это воспитать адептов Западных духовных и моральных ценностей (величая их истинными Христианскими ценностями) и которые не только не знали бы своей культуры и православной духовности, но и презирали бы их.

«Я слышал, что пастор Янус, когда предлагал создать при церкви реабилитационный центр именно американского типа, ссылаясь на книгу «Крест и нож», написанную Давидом Вилкерсоном», – изрёк Степаныч тоном, означающим, что и дальше речь пойдёт о чём-то важном. При этом пастор настойчиво внушал, что в книге рассказывается о наркоманах и о создании реабилитационных центров. И что удивительно, все, даже те, кто прочитал её, поверили его внушению. Поверили, несмотря на то, что своими глазами видели, что она вовсе не о наркоманах, как таковых, а о латиноамериканцах, живших в США, про то, что они были чужды американской культуре, государственным и духовным ценностям, более того, ненавидели всё это. И вот, движимый Святым Духом, пастор явил пред ними истинного американца и истинного христианина. В книге рассказывается, что через уважение к человеку у людей зародилось уважение к стране. Так возникла и потом стала шириться плеяда уже своих латиноамериканских патриотов Америки, а те из них, кто принял обличение Святого Духа, покаялся и уверовал в Иисуса Христа, стали христианами.

Представляешь, какое коварство! Взяв от доброго его внешнюю оболочку, но наполнив её противоположным духовным содержимым, люди, называющие себя последователями Вилкерсона, отлучают сейчас в нашей стране её граждан от своих корней, от российских духовных ценностей. Воистину, эти люди заслуживают того, чтобы называть их слугами дьявола, ибо они, взяв повод от доброй заповеди, через неё обольстили и даже уже умертвили многие души.

– То, о чём ты сейчас рассказал, можно назвать даже не четвёртой, а первой причиной (ибо она духовная), которой руководствуются заокеанские "спонсоры", когда щедрой рукой жертвуют деньги на создание у нас реабилитационных

центров американского типа и на создание у нас американских библейских школ. Они находят среди российских пасторов тех, кто, как Иуда готов ради их денег предать свои национальные и духовные ценности и с их помощью возвращают в протестантских церквях подобных себе «Иуд» и «Антивилкерсонов».

Тот факт, что Западные спонсоры дают свои деньги не всяким пасторам протестантских церквей, а только тем из них, которые ради их денег предали культурные и духовные ценности своего народа, предали истинное учение Иисуса Христа и стали прославлять гуманизм и харизматические ценности, является вторым аргументом, подтверждающим правоту слов Степаныча, – сделал вывод уже не он, а я.

Степаныч не удержался и внёс эмоциональное дополнение к моему заключению: «Да, Западные спонсоры ищут среди наших протестантских пасторов тех, кто готов за их "серебряники" научить церкви и преуспеваю, то есть, по сути, служению мамоне, и положительному исповеданию, то есть, по сути, самовнушению, а так же толерантности, то есть, по сути, лояльному отношению к тому, что сейчас во многих Западных церквях легализована содомия».

Когда сердитость в душе Степаныча утихла, я продолжил: «Ну, а дальше уже всё элементарно: после того, как "студентам" втолковали, что Американские спонсоры добрые (целый год их кормили-поили), после того, как их научили, что правильной является только протестантская религиозная формация (причём, Западного образца), после года беззаботной тепличной жизни нужно лишь вытолкнуть людей прошедших курс так называемой реабилитации в реальную жизнь с её настоящими сложностями и горестями. Так как зарабатывать себе на хлеб насущный честно, в поте лица, эти "выпускники" не привыкли, то многие из них сами попросят покровительства у своих благодетелей: вот вам и новое пополнение идейно накаченных и преданных своему

работодателю (назад, на улицу, они ведь не хотят) работников на религиозно-идеологической ниве!»).

Это третий аргумент, подтверждающий истинность твоих слов о том, что Реабилитационные центры западного образца, создаются на базе наших протестантских церквей вовсе не с благими намерениями – уже я вошёл во вкус и стал не критиком своего друга, а его помощником.

«Получается, по поговорке: «Кто платит, тот и музыку заказывает», – мой друг подвёл краткий, но точный итог нашему исследованию того, чем руководствуются Западные спонсоры, жертвуя большие деньги на свои реабилитационные центры у нас, в России. Потом продолжил: «Но, у тебя, Николай, остался ещё один вопрос, на который нужно дать ответ: если Западные спонсоры – как теперь мы выяснили, движимые лукавым сатанинским духом "спонсоры" – оплачивают, то есть, по сути, создают у нас Реабилитационные центры для того, чтобы возвращать в них приверженцев своего учения, то всё равно непонятно, при чём здесь майки с надписью «Соединённые Штаты Сибири», и при чём здесь американские детские флажки?»

– Учитывая, что действуя на территории России, Западные протестантские миссионеры довольно редко раздают флажки и сувениры, я думаю, что всё это является лишь рекламным трюком. А вот майки с надписью: «The United States of Siberia» – это уже серьёзно. Это уже заявка на то, что они готовы не только передать нам свои духовные ценности, но и согласны включить принявших эти ценности в сферу американских государственных интересов.

– Да-а, – просипел себе под нос Степаныч, – теперь мне стало совсем понятно, почему Янус с таким отчаянным усердием бился за сохранение в нашем городе реабилитационного центра именно американского образца. Он бился за американское потому, что предал культурные и

духовные ценности своего народа и стал наёмником Западных религиозных структур, нацеленных не столько на благовестие Христово, сколько на то, чтобы под прикрытием благовестия, насаждать у нас свои духовные ценности и своё миропонимание.

Потом, по-старушечьи подперев щеку ладошкой, с печальным видом произнёс: «Религиозный центр, выпускающий не просто "Иванов, родства не помнящих", а безумцев, наученных тому, что, чтобы быть христианином, нужно отвергнуть духовные ценности своего народа, отвергнуть духовные ценности Православия.

Знаешь, Николай, я сейчас вспоминаю твой рассказ, и уже не могу сказать, какое из двух зол хуже – или то зло, когда из-за отсутствия денег закрылся реабилитационный центр и Наташка в отчаянии из-за своего отступничества и из-за неумышленного убийства подруги покончила жизнь самоубийством, то ли то зло, когда на западные деньги из года в год возвращаются десятки, сотни молодых людей, в ослеплении отвергнувших свои корни и свои национальные ценности. Более того, накачанных гордыней, что они аж целый год не принимали наркотики и что стали причастны к так называемым «Великим Американским Ценностям».

Помпадуру друзья не нужны

Прошло больше месяца после нашей последней дружеской посиделки. За это время на смену болезненной, слякотно-промозглой осени пришла зима с её пушистым снежком, с её протоптанными белыми дорожками и с первыми, ещё не очень удачными попытками слепить снежную бабу. Я давно уже написал главу: «Ох, уж эти Западные реабилитационные центры!» и в последние дни

размышлял над тем, что ещё я упустил важного, о чём обязательно нужно поведать читателям.

«Как ты думаешь, герой моего рассказа, пастор Янус, в первые годы своего служения так же остро нуждался в деньгах, как и пастор, упомянутый в твоём рассказе «Наташкин дневник», или ему помогала материнская церковь?» – придя в гости, сразу же после приветствия, без всякого перехода, выпалил Степаныч.

– Насколько знаю, в первой половине девяностых годов церквям всех деноминаций была дана свобода для Христова благовестия, поэтому думаю, что материнская церковь, из которой вышел Янус, по мере сил старалась помочь новообращённым верующим – ответил я первое, что пришло в голову.

– А вот и не угадал! – увидев мою растерянность, довольно муркнул Степаныч. Я уже, кажется, упоминал, что в то время церковь собиралась в помещении кинотеатра (кинотеатр – это громко сказано, так, маленький зрительный зал и узенькая сцена). Так вот, там, среди верующих не было ни старших братьев, ни испытанных временем пастырей, только Янус со своей гитарой и примерно с полтора десятка человек разного возраста.

– Куда же тогда девались пасторы и старшие братья по церкви? – удивился я.

– Епископ и пасторы вместе с чадами и домочадцами, всего около шестидесяти человек, всем скопом укатили в сытую Америку: вспомни, ведь именно тогда, когда у нас в стране появилась возможность для евангелизации, Америка распростёрла свои объятия для приёма так называемых узников совести. Поэтому Янусу, как впрочем, и многим другим молодым пастырям, пришлось начинать своё служение с одними новообращёнными, без денег и без духовной поддержки, – объяснил то, что творилось в

протестантских церквях в середине девяностых годов мой друг.

Правда, в отличие от нас у Януса была крыша над головой, и они не мёрзли зимой: поверь мне – одному из тех, кому довелось на себе испытать, что это такое остаться без помещения и мёрзнуть в сибирскую зиму в неотапливаемом полуразрушенном здании – это великая радость собираться для богослужений в тёплом помещении.

А дальше, как говорится, свято место пусто не бывает, и взамен тысяч российских пасторов, выехавших для откорма в Америку, оттуда к нам пошёл поток американских миссионеров и евангелистов. Они навезли массу своих книжек и стали успешно насаждать в российских ещё духовно не окрепших и теологически непросвещённых поместных церквях своё учение. В это время у пастора Януса (уже пастора, так как, уезжая, епископ рукоположил его на пасторское служение) появилась возможность для налаживания деловых контактов с Западными партнёрами.

Что было потом, ты, Николай, уже знаешь: после нескольких лет неудачных попыток найти спонсора Янус нашёл его в Америке и заключил сделку – так на базе одной из протестантских церквей нашего города (бывшего нашего города) появился Реабилитационный центр прозападного типа, а потом и в самой церкви начали исповедовать духовные и моральные ценности Запада.

Потом помимо Реабилитационного центра при церкви была открыта библейская школа, в которой преподавали в основном приезжавшие из-за границы служители – на всё это нужны были деньги, деньги и ещё раз деньги. И с тех пор все мысли и помышления сердца пастора Януса стали о деньгах, точнее, о том, как угодить зарубежным спонсорам, дающим эти деньги.

«Ты говорил, что Янус нашёл спонсоров лишь спустя пять лет – не расскажешь ли хотя бы в общих чертах, что за

эти пять лет происходило в церкви и как получилось, что Янус, поначалу искренний служитель Божий, со временем превратился в «антивилкерсона», предавшего свои национальные и духовные корни ради американских денег» – не сейчас, а ещё раньше, когда мы выяснили то, каких пасторов ищут Западные религиозные структуры для воплощения своих целей, – спросил я друга.

Но тогда, объяснив, что это отдельный большой вопрос, Степаныч отказался на него отвечать. А сегодня, не напоминая о вопросе, неожиданно для меня сам обратился к этой теме: «Нет, не сразу в той поместной церкви сложилась духовная ситуация, которая стала способствовать превращению пастора Януса в самовластного правителя и наёмника Западных "спонсоров", поначалу было не так. Но прежде, чем рассказывать о церкви, хочу рассказать о библейском царе Сауле».

Это поможет тебе увидеть критерии, которыми руководствуются самовластные правители, выбирая себе помощников – пояснил он, увидев в моём взгляде недоумение.

Итак, – решительно приступил к изложению своей мысли Степаныч, – царь Саул отличался волей, упорством в достижении цели, я бы даже сказал, упрямством: вот ты, Николай, вряд ли стал бы в течение трёх суток неустанно искать свой скот так, что ушёл бы даже в другой город.

Теперь посмотри, кто был в его окружении в первый период правления – это его сын, Ионафан, это Давид и пророк Самуил, конечно, если можно назвать пророка Божьего помощником царя.

Но так было только до той поры, пока Саул не утвердился на своём престоле. Потом он воспылил гневом на пророка Самуила, возненавидел Давида и стал его преследовать, желая убить, и даже в своего сына бросал копье, будучи в гневе. Во второй период своего правления

Саул – уже самовластный правитель Саул – предпочитал пользоваться услугами людей другого типа, таких, как Доик Идумеянин.

Сейчас я процитирую в Священном Писании место, рассказывающее, какими "подвигами" сей слуга заслужил доверие своего царя: «И говорил Саул Ионафану, сыну своему, и всем слугам своим, чтобы умертвить Давида. И отвечал Доик Идумеянин и сказал: я видел, как сын Иессея приходил в Номву к Ахимелеху, сыну Ахитува, и тот спросил о нём Господа, и дал ему продовольствие. И сказал (Ахимелеху) Саул: для чего вы сговорились против меня, ты и сын Иессея, что ты дал ему хлеба и меч и спросил о нём Бога, чтоб он восстал против меня и строил мне ковы, как это ныне видно? И отвечал Ахимелех царю и сказал: кто из всех рабов твоих верен как Давид? он и зять царя, и исполнитель повелений твоих. И сказал царь телохранителям, стоявшим при нём: ступайте, умертвите священников Господних. Но слуги царя не хотели поднять рук своих на убиение священников Господних. И сказал царь Доику: ступай ты и умертви священников. И пошёл Доик Идумеянин, и напал на священников, и умертвил в тот день семьдесят пять мужей, носивших льняной ефод; и Номву, город священников, поразил мечом; и мужчин и женщин, и юношей и младенцев, и волов и ослов и овец поразил мечом».

Мог ли помыслить Доик, что будет проливать кровь Божьих священников и совершит такие злодеяния? Конечно, нет. Поначалу его стремлением было лишь желание выслужиться перед царём, и он пошёл, как он думал, на маленький компромисс с грехом. Для этого ему даже и лгать особо не нужно было, только лишь придать некоторый негативный оттенок тому, что сделал Ахимелех для Давида (хотя он отлично понимал, что Ахимелех делал доброе дело, и никакого злого умысла против Саула ни у

него, ни у Давида не было). Дальше – больше, и покатился Доик в один грех за другим».

«И покатился Доик в один грех за другим.., – хороший пример ты привёл», – выслушав историю Степаныча, задумался я над тем, как легко человек может упасть в бездонную пропасть греха. Но потом снова вернулся к деловому настрою и спросил: «Ты рассказал, как было у царя Саула, теперь расскажи о том, как у пастора Януса окружение, поначалу состоящее из «Давидов» и «Ионафанов» постепенно поменялось на «Доиков», и почему церковь всё это приняла?».

Начну с «Давидов» и «Ионафанов», – ответил товарищ. Поначалу, особенно в первый, самый трудный период, пастор очень нуждался в поддержке мужей мудрых, испытанных жизнью, таких, которые могли бы помочь в организации богослужений и налаживании церковного быта, которые были бы способны не просто возглавить домашние группы, а создать из разрозненных прихожан дружный коллектив, да мало ли какие ещё вопросы приходилось решать. В то время в церковный совет входили люди зрелого возраста, которых с полным основанием можно было назвать старейшинами. Об одном из них – брате во Христе, Льве, я и хочу тебе, Николай, рассказать.

Лев – полный мужчина с седыми кудряшками, говорил он отрывисто, как бы выстреливая фразы, поэтому на первый взгляд казался суетливым и довольно резким. Но это только на первый взгляд, на самом деле Лев был очень пронизательным и добрым человеком.

Хотя встречаться нам доводилось и раньше, но по-настоящему познакомился я с ним во время поездки в Москву на церковную конференцию: он представлял свою церковь, я – свою. Ехали мы в одном купе трое суток до Москвы, потом жили в одной комнате в гостинице, потом

трое суток назад – за это время о многом можно было поговорить, многое можно было увидеть и понять, так мы сошлись и даже подружились.

«Друзья!» – часто повторял Лев (он обращался к членам церкви не как обычно: «братья и сёстры», а «друзья»), – прежде чем говорить об этом, давайте вспомним, кем мы являемся пред Господом?» А вообще, я редко видел его воздевшим руки и о чём-то громко молившимся. Но в то же время, Боже, насколько поразительно часто Господь отвечал на его молитвы. Церковные бабушки, да и не только бабушки, лишь только услышат от кого просьбу помолиться о той или иной нужде, тут же начинали просить Господа, а Лев не так, даже услышав нужду об исцелении, он отвечал: «Прежде, чем просить, нужно узнать волю Духа Святого, иначе молитва будет не по сердцу Господу». И отойдя в сторонку, просил Господа Бога открыть Свою волю. Часто так молча и уходил, а иногда подходил к болящему и... были случаи, когда, возложив руки, молился, и Господь исцелял, а были случаи, что, подходя, обличал больного и говорил: «Тебе нужно оставить такой-то грех».

Расскажу об одном случае, свидетелем которого я сам был: мы, группа верующих, собрались проведать и помолиться за тяжелобольную женщину, члена нашей церкви. По пути я встретил Льва и предложил поехать вместе с нами, он согласился. Войдя в квартиру, мы все сразу же прошли к ней в комнату и стали молиться за исцеление, а мой товарищ остался в соседней комнате и, как обычно, стал просить откровения воли Божьей. Потом зашёл и со властью, с духовной властью, такой, что это почувствовали все и расступились, пропустив его к кровати, тихим нежным голосом сказал больной: «Назови хоть одну причину, из-за чего тебе нужно ещё остаться здесь, а не идти ко Христу, к Которому стремится твоё сердце». И она ответила: «Я не знаю такой причины». И тогда Лев сказал, что мы будем

молить Господа, чтобы ты отошла к Нему без боли и без страданий.

Через неделю я узнал, что она умерла. А потом, спустя примерно полгода моя жена, Любавушка, рассказала, что во время богослужения видела видение, будто эта сестра во Христе стоит как живая в нашем собрании и вместе со всеми славит Бога, и лицо её при этом излучало мир и благоговейную радость.

О том, что Лев был непременным участником во всяких церковных делах, особенно там, где приходилось выполнять рутинную хозяйственную работу по ремонту здания церкви (и когда они арендовали помещение, и когда купили своё) – об этом, думаю, и упоминать не нужно – это само собой разумеется.

А потом Лёва заболел. Он всё время кашлял и задыхался, и врачи решили, что это астма, а когда выяснили, что это рак, то лечить было уже поздно. Подержав положенное время в больнице, его выписали. Когда по просьбе жены мы втроём: пастор Янус и друзья Льва, Виктор и я, выносили носилки, то нам дали выписной лист и сказали, что жить ему осталось мало. Помню, мы ещё сомневались, что лучше: сказать ему или нет, и решили, что лучше известить сейчас. И помню, с каким облегчением он воспринял известие, что жить ему осталось очень мало: «Слава Богу, значит, уже скоро буду со Христом», – выдохнул он.

И дома, уже не имея сил даже присесть, до последнего дня, хотя уже и очень слабым голосом, но привычно выстреливая свои короткие фразы, он удивительным образом наполнял нас теплом своего сердца.

Для меня так и осталось загадкой, откуда у Льва была такая духовная мудрость? Возможно, оттого, что он не просто признавал, а постоянно ощущал свою немощь перед Господом Богом.

«Поскольку, рассказывая о «Давидах» и «Ионафанах», окружавших пастора Януса в период становления церкви, я упомянул о Викторе, то расскажу немного и о нём», – продолжил Степаныч свой ответ на вопрос: как Янус превратился в наёмника западных религиозных структур и самовластного правителя.

Итак, Виктор. Если внешность Льва сразу привлекала к нему взгляды окружающих, то Виктор внешне был совершенно неприметен: не стар и не молод, не высокий, не низкий, не полный и не худой, даже волосы у него были какие-то неприметные, неопределённого цвета, какой-то тёмно-русый с сединой. Когда я вспоминаю о нём, в памяти всплывают две черты: небольшая сутулость и морщинки у кончиков глаз. Как рассказывал Лев (я – то мало знал Виктора, это Лёва был его другом), в церкви Виктор больше молчал, но при внешней неброскости он взвалил на себя столько работ, что другие и впятером не унесли бы. Если нужно было ехать для благовестия или на встречу с верующими других церквей, то он вёз верующих на своём стареньком «Москвиче», если нужно было починить аппаратуру или мебель какую, он молча шёл за инструментом и ремонтировал это. Церковные бабушки обращались к нему, если в доме ломалась аппаратура или мелкая бытовая техника и он никому не отказывал, и никогда не брал платы за свою работу.

Как-то Лев сказал мне, – продолжал Степаныч свой рассказ: «Представляешь, а ведь Виктор имеет профессиональное музыкальное образование. И он предлагал пастору Янусу помощь в музыкальном сопровождении на богослужениях. Но тот отказался. Наверное, испугался, что на фоне игры профессионального музыканта все услышат несовершенство его любительского треньканья?» И знаешь, Николай, я думаю, что предположение Льва было недалеко от истины.

Когда у церкви появилось своё здание, то мужчины из членов церкви стали в нём по очереди дежурить по ночам. И однажды утром приходим, – рассказывал мне Лев, – а там, в конце коридора завёрнутая в фуфайку лежит и трясётся собачонка – дворняжка. А морозы, скажу, в ту зиму стояли у нас знатные, – уточнил Степаныч, – вот Виктор и подобрал замёрзшую дворнягу. Лев говорил, что Виктор всю ночь её отхаживал, а потом ещё долго лечил и выходил: так в церкви появилась своя собака. Правда не скажешь, что она была добрая, за хозяев признавала только тех, кто сторожил по ночам, а на остальных скалилась и старалась забиться подальше в конуру (видно, раньше много зла видела от людей).

Потом, после смерти Льва, я уже не встречался с Виктором, поэтому не могу сказать, что он сейчас делает. Одно знаю точно – это то, что пастор Янус постепенно заменил прежних членов церковного совета новыми, удобными себе, – так завершил свой рассказ о церковнослужителях первого периода мой друг, Степаныч.

Потом добавил: «Видишь ли, Николай, такие люди, как Лев и Виктор хорошо умели дружить, но Янусу друзья были не нужны, ему нужны были приближённые, суть общения с которым можно было свести к команде: «Фюйть!». Поэтому он, когда вошёл в силу, стал искать себе таких работников. Не соработников, а именно работников».

– Ты что-нибудь слышал об этих новых людях, которые сейчас стоят рядом с ним? – у меня в ладошках началось покалывание от предчувствия интересных примеров.

– Слышал, и очень даже слышал: один из них раньше ходил в домашнюю группу моего товарища, Льва, а о втором много слышал от других членов церкви – ответил мне Степаныч, но ответил как-то равнодушно, даже нехотя. Потом добавил: «Слышать то слышал, но как

охарактеризовать их в двух словах, не знаю, ведь в каждом человеке есть и хорошие черты, и плохие».

– Тогда давай сделаем так, – предложил я, ты назовёшь те черты их характера или события из их биографии, которые, на твой взгляд, способствовали тому, что пастор Янус из всех членов церкви выбрал именно их.

– Давай об этом поговорим завтра, если, конечно, на то будет воля Божья, – отложил он разговор.

Четыре шага духовного отступничества пастора Януса

Но ни на следующий день, ни в выходные встретиться не получилось. В субботу Степаныч со своими детьми, Верой и Сашей, поехал за город, чтобы покататься на лыжах, пожарить на костре сосиски, попробовать подмороженную рябину, калину и облепиху, чтобы послушать трескотню дятла, одним словом, чтобы отдохнуть на природе. К такому отдыху они привыкли с детства и с удовольствием сохраняли традицию.

Хотя животный мир в пригороде несопоставимо беднее, чем у Степаныча на родине, но и здесь для внимательного взгляда всегда найдётся много интересного, и мой друг по следам на снегу иногда рассказывал разные истории – когда трагичные, а когда и забавные.

«Тут на поле собака мышковала: видите, как она притаивалась и прыгала», – указав лыжной палкой на вмятины в снегу, как бы мимоходом говорил он нам. И если у кого возникал интерес, то оживлялся и, сойдя с лыжни, начинал исследовать следы, чтобы рассказать, где и как пёс вынюхивал мышку, успешной была его охота или нет.

«А тут, посмотрите, две параллельных чёрточки и две точки – это заячий след. Наверное, русак ночью заходил на окраину вон той деревни полакомиться корой яблонек или поест сена», – уже с неким вызовом, мол, не так уж и часто здесь в пригороде зайцы бегают, указал он на вмятинки на снегу.

– Давай пойдём по следу, может зайца увидим, – предложил Саша.

– Попробуй, но вряд ли получится: заяц – зверь умный, след умеет путать так, что и охотнику зачастую сложно разгадать, не то, что тебе, горожанину.

Но азарт есть азарт. Саша бросился по следу, благо снег ещё неглубокий, а то застрял бы в кустах, а когда вышел на полянку, застыл в недоумении: вот след есть, а дальше ни впереди, ни слева, ни справа ничего нет, как будто заяц улетел.

Вернулся горе-следопыт ни с чем, а отец похвалил его. Похвалил за то, что сумел распутать "петли", а там, где он потерял след, там и хищный зверь зачастую теряется: много у косоного хитростей, то сделает мощный прыжок в сторону, а то и вовсе "задним ходом" пойдёт – пояснил мой друг, за что была похвала.

– А это чей след, вороны или сороки?

– Понятно, сороки – видишь, скакала как сорока – снисходительно-ворчливо ответила его дочь.

– Это была лишь разминка, собственно говоря, я остановился не ради сороки, а ради вот этого отпечатка на завалившейся берёзе: чей это след? – тут же продолжил отец. Не спеши, хорошо посмотри, видишь два пальца вперёд и два назад.

– Наверное, дятла, – неуверенно ответила девушка.

– Правильно. С такими лапками ему удобно бегать по вертикальному стволу и хвататься за него. А на снегу след дятла редко можно увидеть, так как они не бегают по земле.

Вроде совсем незатейливый отдых, а присмотришься и удивишься, насколько насыщенным и полезным для души и тела он является. И не только для души, но и для духа: у них есть своя, как они называют: «молитвенная поляна». Это небольшой околосок – берёзок пятнадцать на развилке трёх просёлочных дорог. С двух сторон он окружён полями, а с третьей находится земляничная поляна.

Когда мы встретились, Степаныч стал рассказывать о своих детях, о поездке на природу, и было видно, что он всячески оттягивает разговор о "преемниках", которых вместо прежних членов церковного совета набрал пастор Янус.

Устав от ожидания, я уже в лоб спросил: «Когда расскажешь про служителей, которых выбрал Янус?»

– После белой чистоты и свежести зимнего леса, ты, Коля, даже не представляешь, насколько серыми и душными мне кажутся все эти разговоры о Янусе и его помощниках.

– Я понимаю тебя, но ведь и "серое" кто-то должен выводить на белый свет. Рассказчиков о том, что в церквях происходит доброго и светлого и без нас хватает.

– Тогда давай сначала поставим на огонь турку и выпьем по чашке "чёрного", а потом приступим к делу, – без всякого ломания тут же согласился он.

«Давай я начну не с рассказов о самих «Доиках», а по порядку расскажу, как Янус и вместе с ним поместная церковь докатились до того, что такие личности стали у них пресвитерами и пасторами», – приступил к теме Степаныч.

После эмиграции на Запад большого количества наших, Российских пасторов и членов их семей, к нам стали из западных стран приезжать миссионеры. И поначалу среди них было много простых верующих, которые у себя на родине работали на производстве, а во время отпуска, движимые Святым Духом, ехали в неведомую для них

Россию и даже в страшашую их одним своим названием, Сибирь. И в первые два года пастор Янус с радостью принимал таких миссионеров, с радостью принимал их кратковременное (не больше двух недель) духовное благословение для молодой поместной церкви. Их служение и их благословение воистину было чисто духовным, ибо денег они не могли дать.

Расскажу о двух из них – не могу не рассказать, так как один из их приездов стал большим благословением для нашей семьи. Рик и Джон два друга – миссионеры из Канады. Рик работал инженером на заводе – это на его накопленные за год деньги они приезжали сюда. А Джон был пастором в маленькой сельской церкви.

Как-то Любавушка, запыхавшись, прибежала домой и, мигом собрав сына, Сашу, которому тогда было шесть лет, сказала, что Лев срочно позвал нас в свою церковь на служение. Всю дорогу я недоумевал, какое служение, так как был понедельник – день, когда у них никаких служб не проводилось. Когда приехали, народу там было ещё мало: человек пять-семь не больше. В тот день Господь положил на сердце пастору Джону молиться за болящих и, как оказалось, приехали мы из-за Саши. У него была грыжа сустава, и на этой неделе он должен был лечь в больницу на плановую операцию. Джон, Лев и мы семьёй, включая Сашу, стали молиться и просить Господа Бога об исцелении. Помолились и... ничего. А Джон радуется и славит Бога за Его благодать. Ничего не понимая, мы тоже, больше за компанию, чем от всего сердца, поблагодарили Господа и уехали домой обескураженные.

Но через пару дней, когда нужно было сына везти в больницу, смотрим и глазам своим не верим: грыжа, которая накануне была размером с детский кулак, вообще исчезла. Но всё равно приехали в больницу и показали хирургу Сашу, показали также и рентгеновские снимки и говорим:

«Смотрите, вы утверждали, что здесь без операции не может быть исцеления». Он всё внимательно осмотрел и спокойно так: «Значит, бывает».

С тех пор это: «Значит, бывает» – стало у нас шуточной поговоркой.

«Прошло два-три года, и пастор Янус перестал приглашать в церковь людей, подобных Рику и Джону. Не забывай, Николай, что в первую очередь он искал спонсоров и только спонсоров», – рассказав историю о чудесном избавлении сына, Степаныч вернул меня к суровой действительности.

Искал и нашёл.

Нашёл миссию, которая помогла купить здание для церкви. Но и это было ещё не то, о чём он мечтал: малоизвестная, небогатая миссионерская организация не могла дать больше, чем дала. Ну, появилось у церкви своё здание, а дальше что? – А дальше ничего: как был Янус никому не известным пастором маленькой поместной церкви, так и остался.

«Видишь ли, Николай, отступничество от духа и истины, хотя и может совершиться через один поступок, как, например, произошло предательство Иуды Искарота, но в сердце отступника оно вызревает годами. Так было и в сердце Януса: не сразу, не в одно мгновение он стал "Иваном, родства не помнящим", не в одно мгновение стал предателем своих национальных и духовных корней – не просто отвергнувшим их, а именно предателем, ибо стал прославлять то, что нацелено на уничтожение российских ценностей. И даже "антивилкерсоном" (если назвать его так по аналогии с антихристом – личностью, противоположной Христу, но прикидывающейся Им) он стал не сразу после того, как договорился на деньги американских спонсоров открыть у нас Реабилитационный центр их типа» – перешёл

мой собеседник от рассказов о служителях церкви, к анализу этапов духовного падения Януса.

Первым шагом на пути к отступничеству от духовных ценностей ради материальных было то, что пастор перестал приглашать исполненных дарами Святого Духа, но материально не богатых миссионеров: он перестал видеть смысл в дальнейшем сотрудничестве с ними.

Вторым шагом на пути к отступничеству стало желание сотрудничать только с теми, от кого он надеялся получить и материальную выгоду, и духовное благословение для церкви. Но и это ещё не было отступничеством от Духа Божьего, так как в миссиях, которые могли оказать церкви материальную поддержку, были служители, исполненные Святым Духом, поэтому была ещё возможность компромисса. Но само желание совместить материальное и духовное уже подвело пастора Януса к черте, за которой он должен был определяться, кому дальше он будет служить: Богу или маммоне (материальному богатству и земной славе), ибо в Писании сказано: «Не можете служить Богу и маммоне».

Третьим шагом на пути отступничества от духа стало предательство и изгнание пастором Янусом тех, кто благодетельствовал церковь не только духовно, но и материально. Это была уже точка невозврата. Это было уже принятие окончательного решения, ибо он отверг служителей миссии, благодетельствовавшей церковь зданием, не потому, что новые спонсоры были богаче и влиятельнее (материально можно было сотрудничать с обоими), а потому, что за свои деньги новые спонсоры потребовали, чтобы Янус отверг прежнее духовное учение. Они потребовали, чтобы он начал в церкви насаждать прозападные харизматические ценности и чтобы церковь превратил не просто в слуг, заботящихся о материальном благополучии наркоманов, а в послушных исполнителей

того учения, которому их научили в Реабилитационном центре.

Но скажу тебе, Николай, что даже и после того, как Янус начал сотрудничать с Западными религиозными структурами и создал на базе церкви Реабилитационный центр по их типу, у него ещё была возможность вернуться к служению по воле Духа Святого.

Четвёртый шаг отступничества – вот что окончательно поработило пастора Януса силам зла.

Один мыслитель сказал: «Сначала король подбирает себе свиту, а потом свита делает короля», – и это действительно так, ибо потом король видит и слышит лишь то, что проходит сквозь "фильтр" его свиты: уже не он сам, а его приближённые решают, что ему нужно знать, а чего не нужно. Так же и Янус теперь, после того, как окружил себя угодниками и лицемерами, лишился возможности услышать слово истины, услышать слово исцеляющего душу обличения.

Помпадуру нужны фавориты

«А теперь, друг мой Николай, после того, как описал, как шаг за шагом происходило отступничество пастора Януса от Духа Божьего, настал черёд рассказать и о тех, кого он избрал и приблизил к себе вместо таких пресвитеров, как Лев и Виктор. Настал черёд рассказать о его "Доиках". И начну с первого из их плеяды – с Вадима», – сделав глубокий вдох-выдох, продолжил свою назидательную речь Степаныч.

Когда ситуация в церкви более-менее стабилизировалась, Янус приблизил к себе Вадима, и не просто приблизил, а через год предложил епископу

рукоположить его диаконом, что тот незамедлительно и сделал.

Вадим – чернявый крепыш с лицом квадратного типа – ни организаторскими способностями, ни хозяйственностью не отличался, про образование и говорить не стоит: с грехом пополам законченную восьмилетку нельзя назвать образованием, единственное, что могло привлечь в нём пастора Януса – это безоговорочное послушание. Хотя, как потом выяснилось, не только послушанием понравился Вадим пастору.

Расскажу об одной случайно услышанной беседе между пастором Янусом и нашим пастором (она была незадолго до того, как Янус приблизил и возвеличил у себя в церкви Вадима). В перерыве во время конференции наш пастор и пастор Янус, встретившись, завели разговор о жизни церковей при Советской власти и о том, что с получением свободы благовествовать во многих церквях произошли расколы. Дальше пошла речь о том, как уберечь свои церкви от подобной участи, и Янус, не стесняясь моего присутствия, как будто делился добрым опытом, рассказал, что у себя в церкви давно уже насаждает учение «о домашних Хлоиных» и что всячески поддерживает и поощряет тех, кто держит его в курсе всего, что делают и о чём говорят члены церкви.

Кратко расскажу тебе, Николай, о сути этого учения: «Пасторы учат, что раз Апостол Павел написал Коринфской церкви: «Ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои... (1Кор.1:11)», то, значит, все верующие обязаны рассказывать своему пастырю о замеченных недостатках или грехах других членов церкви». И многие слепо доверяют словам своего пастора (ведь такой стих действительно есть в Библии) и идут тайно доносить на ближнего своего. Представляешь! Доносят и наушничают, и при этом думают, что поступают по слову Божьему».

В итоге, в глаза все в церкви улыбаются друг другу, а в сердце своём каждый не доверяет ближнему, ибо не уверен в искренности его дружбы. Никто не уверен, что его сердечная исповедь или высказанная мысль не будет обращена против него же, не поползёт грязным шу-шу-шу по церкви, – подвёл итог Степаныч.

Потом добавил: «Хочу сразу же разоблачить лживость и коварство этого учения, дабы, кто, услышав его у себя в церкви, знал, что оно не от Бога. Действительно в Священном Писании сказано: «Ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои...», – но обратите внимание на то, что слово "домашних" здесь взято в квадратные скобки [], то есть оно было добавлено переводчиком или переписчиком (в древнегреческом оригинале стоит выражение, которое переводится как «от Хлои»). И ещё, – чьё имя назвал Апостол Павел, говоря о проблемах в церкви? Он назвал имя только того, кто рассказал ему о проблеме. Да, в первую очередь (и в последнюю) Апостол назвал имя Хлои – женщины, рассказавшей ему о церковных проблемах.

Так же должен поступать и ваш пастырь. Обращается ли он к человеку наедине – должен сказать ему от кого услышал о грехе, а лучше, чтобы тот свидетель присутствовал во время беседы. Если пастырь перед всей церковью заведёт речь о грехе её члена, пусть сначала и в обязательном порядке укажет от кого узнал, а вот имя того, кто согрешил, пусть держит до последнего в тайне. Вот чему учит нас Священное Писание, а не наушничанью и не доносам».

Смотри, Николай, опять я отвлёкся от этих самих «Доиков»! Удивительное дело получается, с какой стороны ни подступлю к этим личностям, они, как угорь, выскальзывают и увёртываются от меня, от изобличения их злых дел и коварных помыслов. Воистину, без благодати Святого Духа, без Его разящего слова истины, делающей

тайное явным, невозможно ни увидеть коварной сущности этих «Доиков», ни понять их тайных помыслов. Без откровения Божьего члены церкви, видя, не видят и, слыша, не слышат и не разумеют.

Возвращусь к Вадиму: зная, что Янус начал приближать и поощрять доносчиков, я не удивился, когда услышал, что Вадим был рукоположен диаконом. Нет, сначала немного удивился тому, что служителем церкви был рукоположен человек, не способный ни к служению словом, ни какое-либо дело сделать (это все в церкви видели: неумения ведь не скроешь, и так его охарактеризовал Лев, в домашнюю группу к которому раньше он ходил).

Да, церкви Вадим ни словом, ни делом послужить не мог, но он был верным слугой у пастора Януса, а, значит, и усердным исполнителем его поручения доносить на членов церкви – вот причина, по которой он был возвеличен в церкви.

«Учитывая, что в церкви усердно насаждалось учение «о домашних Хлоиных», можно с уверенностью сказать, что у Януса хватало доносчиков и помимо Вадима, и, наверняка, среди них были люди более грамотные и более умелые. Почему из них всех диаконом, по сути, вторым человеком в церковной иерархии, стал именно Вадим?» – спросил я, не удовлетворившись объяснением Степаныча.

– Когда речь зашла о служителях, ныне стоящих в окружении пастора Януса, первое, что пришло мне на память и легло на сердце – это история про царя Саула и Доика Идумеянина. Поверь, Николай, вовсе не потому, что я хотел провести параллели между ними и пастором Янусом и Вадимом. Наоборот, лишь когда перечитал эту библейскую историю, я увидел общие черты: там был самовластный правитель и здесь самовластный руководитель, там был доносчик, готовый исполнить любую волю своего царя и

здесь доносчик, готовый исполнить любую волю своего пастора, – ответил мне собеседник.

– Почему ты решил, что Вадим готов пойти на любую подлость, исполняя волю пастора?

– Я не говорил, что Вадим готов пойти на любую подлость, но то, что его "заслуги" не исчерпываются доносами – этому я сам был свидетелем. Например, я слышал, как он учил члена церкви: «Я знаю, что это будет против воли Святого Духа, но всё равно ты должен делать так, как велит пастор». Или ещё один пример: в угоду пастору Янусу Вадим публично оклеветал Виктора – человека, о котором раньше говорил, что он ему, как отец. Он перед пастором и пресвитерами обвинил Виктора в том, что он взял две тысячи рублей из пожертвований на церковь, то есть, по сути, обвинил в краже.

– Это того Виктора, который бесплатно ремонтировал аппаратуру для половины церкви? – удивился я.

– Да, того. И хотя вскоре выяснилось, что никакой кражи не было, а была ошибка при подсчёте, пастор Янус и Вадим, угрожая позорным отлучением, заставили Виктора выплатить всю сумму. А это по тем временам была месячная зарплата Виктора. Мы с Лёвой сколько могли, помогли ему, но всё равно он ещё несколько месяцев выплачивал за то, чего не брал.

– А зачем это нужно было Янусу?

– Не знаю. Наверное, чтобы отстранить Виктора от участия в контроле над расходованием церковных средств.

– Убедительно. Слушай, Степаныч, а ведь диакон Вадим действительно не многим отличается от того исторического Доика Идумеянина, который, исполняя волю царя Саула убил служителей Божьих. Не многим, ибо убийство клеветой доброго имени человека Божьего не сильно отличается от его физического убийства, – подвёл я черту рассказу о

первом типе служителей, которых начал приближать к себе пастор Янус после того, как обрёл силу и власть в церкви.

«Достаточно!» – прервал я нашу работу над книгой. Пойдём, подышим свежим воздухом, очистимся от той духовной тины, которую ты сейчас поднял из глубин своей памяти, а потом пообедаем.

Прогулка хоть и освежила нас, но рассказ Степаныча не выходил из головы. «И этого человека люди называют служителем Божьим, ладно, люди – они могут не знать истины, но ведь он сам себя называет Божьим служителем?» – даже не возмутился, а лишь удивлялся я.

«Другим человеком, которого приблизил и возвысил в церкви пастор Янус, стал второй пастор Костик», – сразу же после обеда, влекомый волной воспоминаний и размышлений, продолжил начатый разговор мой друг.

– Почему Костик, а не Константин? – удивился я, впервые услышав, чтобы пастора называли уменьшительным именем.

– Сначала он был просто Костик: так его в церкви бабушки между собой называли – это уже потом он стал пастором. Но, пастор не пастор, а за глаза всё равно продолжали называть по-прежнему. Довольно молодой человек, небольшого роста, щупленький с остреньким личиком, рыжий с пролысиной, да ещё отличающийся живостью характера, неугомонной разговорчивостью и суетной угодливостью – ласкательное имя само к нему прилипло.

Но это, как говорится, лицевая сторона медали. С обратной стороны перед нами предстаёт уже совсем не "массовик-затейник", а плут с двумя судимостями, бывший наркоман, который в кратчайшее время сумел настолько втереться в доверие к Янусу, что тот сделал его своим помощником и вторым пастором церкви. Согласись,

Николай, далеко не каждый «выпускник» Реабилитационного центра делает такую церковную карьеру.

– Ну и что тут плохого: бывший уголовник и наркоман покаялся и стал служить Богу, наоборот, это очень хороший пример для евангелизации, – обострил я ситуацию, понимая, что не случайно Степаныч после Вадима решил рассказать именно о пасторе Костике.

– Если бы это было на самом деле так, то я бы вместе с тобой возблагодарил Бога, но боюсь, что истинная духовная картина не такая радужная, – возразил мой собеседник, – впрочем, не буду судить, а просто расскажу одну историю про пастора Януса и пастора Костика.

Я уже говорил, что Янусу пришлось пережить довольно много неприятностей, связанных с Реабилитационным центром. Не буду вдаваться в детали, кого судили и за что – дело не в этом, для самого пастора в той ситуации важно было другое: нужно было как можно быстрее добиться, чтобы Центр заработал в обычном режиме и чтобы снова стали поступать Западные гранты. И в это время в церкви произошла довольно загадочная история.

По церкви поползли слухи, что пастор Костик куда-то ездил и, перевернувшись, разбил церковную машину, да ещё и какие-то деньги там были утеряны...

Чтобы прекратить слухи, нужно было дать какие-то разъяснения, и на церковном собрании пастор Костик рассказал историю про то, как они с женой поехали в столицу федерального округа, чтобы заказать в издательстве брошюры для евангелизации. По дороге он притормозил в небольшом городке и пошёл в туалет, захватив с собой сумку с деньгами, предназначенными для издательства. Там произошла пренеприятная история: в туалете эту сумку у него украли, а когда они возвращались домой, то машину занесло, и они перевернулись. Машина теперь разбита так,

что не подлежит ремонту, но они с женой чудесным образом остались целы и невредимы.

Потом встал пастор Янус и, воздев руки к небу, воскликнул: «Слава Богу за то, что Он чудесным образом сохранил целыми и невредимыми пастора Константина и его жену!» И вся церковь, поднявшись с кресел, стала славить Господа за великое чудо.

Было там чудо или не было, не знаю, но удивительным, если не сказать чудесным был конец этой истории: Янус простил Костику и утраченные деньги, и то, что тот разбил машину. Больше того, он выхлопотал в Западной миссии деньги на другой автомобиль, ещё более дорогой – уже за пятнадцать тысяч долларов, – подвёл итог этой истории Степаныч и удовлетворённо замолчал.

Подождав с минуту, я спросил: «И это всё?». Потом, добавил: «Неужели среди сотен людей, присутствовавших на том собрании, не нашлось ни одного, который увидел бы, что вся эта история про печатание брошюр и про сумку с деньгами, украденную в туалете, шита белыми нитками?»

– Наверное, были те, кто всё понимал. Но их приучили, что пастор всегда прав и что в церкви лучше помалкивать. Да и потом, что они могли предъявить своим пасторам? Только подозрения.

– Хорошо, тогда давай мы с тобой прикинем, как можно было вывести на чистую воду пасторов Януса и Костика.

Немного подумав, я приступил к анализу ситуации.

Первый вопрос, который вызвал у меня подозрение в правдивости рассказанной пастором Костиком истории: почему он поехал в столицу федерального округа, а это почти пятьсот километров только в один конец, если в вашем городе (в городе, где ты жил раньше) был свой полиграфкомбинат? Допустим, что там делают лучше и по более низкой цене, но тогда возникает другой вопрос: зачем

туда ехать, если заказ можно сделать через интернет, да и наличные деньги везти незачем – проще расплатиться по карте или сделать электронный перевод?

Второй вопрос: зачем пастор Костик, идя в туалет, взял с собой сумку с деньгами, ведь оставить её у жены в закрытой машине было намного надёжнее, да и в туалете с сумкой несподручно? И потом, я просто не могу представить, как можно украсть – не отобрать, а именно украсть сумку у человека, находящегося с ней в маленьком, малолюдном помещении, если он находится в здравом уме и трезвой памяти?

Третий вопрос: обратился ли пастор Костик в полицию по поводу кражи? То, что он об этом не упомянул, отчитываясь перед церковью, выглядит подозрительно и наводит на мысль, что никуда он не обращался.

И последний вопрос: почему человек, доверивший пастору Костику деньги и машину, потом не наложил на него взыскания ни за то, ни за другое, а, наоборот, тут же купил новый, ещё более дорогой автомобиль?

Исходя из вышеперечисленного, я могу предположить только два варианта ответа. Первый, правдоподобный: пастор Костик по поручению того, кто имеет над ним власть и доверяет ему, отвёз и тайно, в туалете, передал сумку с деньгами неизвестному лицу (причём, сумма, которую он передал, была настолько большой, что стоимость двух автомобилей по сравнению с ней оказалась ничтожной). И второй, гипотетически допустимый, но практически невероятный: тот, кто доверил ему деньги и служебную машину, не ведал, что творил.

– При тайной передаче очень крупной суммы денег люди обычно не пользуются услугами посредников, а в твоей гипотезе пастор Костик выступает в роли посредника, – скептически заметил Степаныч.

– Не спору, это очень серьёзный контраргумент. Но если обе стороны этой – назову её "сделки", хотят избежать личного контакта (чтобы никто, нигде и никогда не видел их вместе) или если одна из сторон не имеет опыта такой деятельности, то без поднаторевшего в делах такого рода посредника не обойтись.

– Ну, а если, допустить, что пастор Костик просто забыл в туалете сумку с деньгами, а потом, когда вспомнил и вернулся, её уже не было, – не сдавался мой собеседник, стараясь опровергнуть предположение о даче взятки.

– Если бы Костик забыл сумку, или ещё каким-то образом потерял деньги, то тогда во всём был бы виноват только он, следовательно, он обязан был бы компенсировать эту сумму. И уж однозначно, за утрату денег и за то, что разбил машину, ему не стали бы покупать новый ещё более дорогой автомобиль. Слушай, Степаныч, вместо того чтобы искать слабые места в моей гипотезе, ты лучше скажи: после той истории с деньгами и разбитой машиной прекратилось расследование по деятельности Реабилитационного центра или нет?

– А это уже ты сам решаешь, мой рассказ закончился на том, что пастору Костику купили новый автомобиль, – поддельски надулся мой друг.

– Тогда давай поступим как Ильф и Петров: они, когда решали окончательную судьбу героя романа «12 стульев», Остапа Бендера, то бросили жребий.

Предложив, я написал на одном листочке: «да», а на другом: «нет», свернул их, бросил в шапку и протянул её Степанычу.

– Нет, так не годится. Не годится потому, что я рассказал тебе не про авантюриста, ищущего приключений, Остапа Бендера, а про пасторов, готовых пойти на всё ради сохранения заграничных спонсорских поступлений и ради своего высокого положения в религиозной организации.

Если бы не получилось в этот раз, то пастор Янус стал бы искать другие пути, но не отступился бы – это точно. Поэтому окончание рассказа будет таким: после "неудачной" поездки пастора Костика расследование по деятельности Реабилитационного центра было прекращено. Вскоре набрали новых «студентов» и Западная кухня реабилитации заработала в прежнем режиме.

«Значит, судя по тому, что ты рассказал, у пастора Януса один помощник, стоя за церковной кафедрой, проповедует любить ближнего своего так, как возлюбил его Иисус Христос, а тайно наушничает, является "устаами хулы на ближнего своего", а другой, стоя за церковной кафедрой, проповедует, что нужно жить по заповедям Христовым, а тайно исполняет разные, скажем, щекотливые поручения. Если перефразировать стихотворение Сергея Михалкова, то можно сказать, что пастору Янусу помощники разные нужны, помощники разные важны», – разложил я услышанные истории по полочкам. Потом обернулся к Степанычу: «Слушай, чем больше я вникаю в ситуацию, которая сложилась в той поместной церкви, тем больше и больше удивляюсь, почему её члены до сих пор ничего не видят, ничего не понимают?»

– Говоришь, что удивляешься тому, что члены церкви ничего не видят? Я направил твой взор не на лицевую сторону медали, а приоткрыл её обратную сторону, то есть тайные помыслы и келейные дела пастора Януса и его помощников, поэтому ты и можешь судить о них истинно. А большинство людей не только ничего не знают об этой тайной их жизни, даже не предполагают о её существовании, – напутственно свысока ответил мне друг и соавтор. Хотя, думаю, это будет хорошей темой для нашего следующего обсуждения, для неспешного и вдумчивого обсуждения.

И сказал ему дьявол: попроси у меня, и я дам тебе

На другой день Степаныч рассказал о видении, которое Господь явил ему в ту пору, когда они с Любовью ещё ходили в протестантскую церковь.

«За несколько месяцев до нашего выхода из протестантской церкви ко мне подошла женщина из церкви пастора Януса и рассказала своё видение: она была потрясена им и просила истолковать», – размеренно, словно описывая картину, начал своё повествование Степаныч. – Она видела, будто стоит в собрании, вероятно, на воскресном богослужении. Рядом стояли братья и сёстры по церкви, но два первых ряда заняли незнакомые высокие мужчины в черных костюмах и белых рубашках с галстуками. А всё собрание стоит и аплодирует, и эти аплодисменты не прекращаются. Потом двое незнакомцев в чёрном выходят вперёд и выводят её пастора из зала. Сестра во Христе рассказывала, что когда она выглянула, куда повели его, то обомлела. Она увидела, что те двое били пастора и трясли его так, что голова его болталась, как на ниточке. Он стоял измученный и бледный, как стена, но синяков от ударов видно не было. Бьющие требовали от пастора, чтобы он предоставил им ещё больше места в церкви. В том видении сестра закричала о помощи, но никто её не слышал. Все стояли и аплодировали, аплодировали, аплодировали. Лишь несколько человек в собрании тихо сидели и не участвовали во всеобщей овации. Среди сидевших и молчавших я видела и Виктора. Сначала я испугалась и никому не стала говорить о своём видении, но потом рассказала Виктору – это он посоветовал обратиться к тебе.

Сразу я не мог объяснить значения её видения. Мы помолились и попросили Господа истолковать нам его

значение, и разошлись по домам. А спустя пару месяцев, когда я уже совсем забыл о том разговоре, Господь открыл значение её видения, показав его мне самому. Это было, как увидеть всю картину в одно мгновение, но в то мгновение запомнить все детали и всё понять.

Вот значение видения: люди в зале аплодировали своему пастору, и тому это нравилось. Люди в чёрном – это власть дьявола – отца клеветы и подстрекателя к злу. И за преумножение аплодисментов, которые так нравились пастору, дьявол требовал для себя всё больше и больше места и власти в церкви. Сатана требовал от пастора идти на компромисс с совестью и с грехом. При этом я увидел закономерность: чем больше церковь аплодировала пастору, тем больше ему это нравилось, но в то же время и слуги дьявола били его всё сильнее и всё наглее требовали для себя власти в церкви. Страшное избиение; но пастору нравились аплодисменты, и он всё больше и больше жаждал их слышать – это желание было подобно наркотической зависимости.

Когда я рассказал той женщине значение её видения – она не приняла его. Не смогла поверить. Ведь пастора Януса все в церкви так любили, даже обожали. Да, любят верующие своего пастора, и... губят аплодисментами, губят восторгом и обожанием. – На этом Степаныч закончил очередной из своих многочисленных рассказов.

– Сильно и очень наглядно, – выслушав историю про Божье видение, подумал я, но вслух произнёс другое: «Духовная ситуация, о которой ты рассказал, сложилась в церкви уже спустя много лет после того, как Янус стал пастором, а мне интересно понять, каким образом он попал под власть дьявола?».

– Как ты думаешь, верующий человек, водимый Святым Духом и совершивший много дел во славу Божью может

стать отступником? – тут же, как будто ждал моего вопроса, встречно спросил мой друг.

– В послании Апостола Петра сказано: «Ибо если, избегнув скверны мира через познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди». Как видишь, здесь написано: «Избегнув, опять запутываются, познав, возвращаются назад» – так что ответ на твой вопрос очевиден. – И уже делая упор в своих словах, я снова задал вопрос: «Степаныч, я спросил тебя не о том, может ли верующий человек попасть в сети дьявола, а о том, как это произошло в данном конкретном случае, то есть с пастором Янусом?» – если не знаешь, так и скажи: не знаю.

– Почему не знаю, может, и знаю? – пожал плечами мой собеседник, то ли действительно сомневаясь, то ли набивая себе цену.

Что ж, постараюсь ответить, – после раздумья неуверенно промолвил он: «Я уже говорил, что пастор Янус с самого начала своего служения искал спонсоров. К сему могу добавить, что ему нужны были не просто люди, которые дали бы ему деньги, а такие, которые поспособствовали бы его продвижению в религиозной организации, если сказать мирским языком, то поспособствовали бы его карьерному росту». А теперь вспомни наш анализ четырёх шагов пастора Януса на его пути отступничества от духовных ценностей ради материального богатства и суетной славы в этом мире, – оживился Степаныч, поймав нить рассуждений, которая приведёт его к ответу на мой вопрос.

Вспомни: первым шагом было обесценивание в глазах Януса духовных ценностей; вторым шагом было желание совместить духовное и материальное богатство; третьим

шагом было предательство и изгнание Божьих людей и четвёртым шагом стало то, что Янус окружил себя доносчиками и льстецами. Так вот, ни один из шагов его духовного отступничества не происходил без пристального наблюдения, а то и без прямого подстрекательства дьявола.

Уже на первом же шаге к отступничеству дьявол – обольститель и отец лжи – заметил, на какую приманку можно будет подцепить пастора Януса и дальше стал предлагать – нет, не отвергнуть Иисуса Христа, а всего лишь пойти на компромисс со своей совестью, и Янус согласился. Так, компромисс за компромиссом, он, наверное, и сам не заметил, как пошёл на подстрекательство к клевете и на хулу человека Божьего. Когда у церкви появилось своё здание и особенно когда был открыт Реабилитационный центр, понадобились деньги – много денег. И вот тут-то, чтобы не потерять, как он говорил: церковного имущества, но в сердце своём не церковь, а себя считал его хозяином, пастор Янус готов был уже пойти на сотрудничество с кем угодно и готов был заплатить любую духовную цену.

Нет, от Януса не стали требовать, чтобы он явно отступился от Иисуса Христа, поначалу от него вообще ничего не требовали, только предлагали. Но предлагали своё – сначала свои книги, потом уже прямо предложили насаждать у себя в церкви Западные ценности: гуманизм и толерантность, учение преуспевания и положительного исповедания – назвав всё это Западным протестантским учением харизматического направления и прикрывая его словами из Писания, прикрывая его именем Иисуса Христа.

Согласившись на духовную измену слову истины, пастор Янус, хотя по-прежнему и называет себя служителем Божьим, на самом деле, тайно стал служить врагу истины и обольстителю, дьяволу.

«Неужели конец пастора Януса уже предопределён? Неужели он теперь, как пойманная на крючок рыба?» –

спросил я Степаныча после размышления над его рассказом о том, как Янус компромисс за компромиссом жертвовал духовным богатством ради приобретения тленного богатства и суетной славы.

– Пока человек жив, он имеет возможность покаяться, имеет возможность исповедовать свои грехи и оставить их, и тогда Господь Бог может простить его и снова даровать водительство Святым Духом. В данной же ситуации я поставил бы вопрос по-другому: «Захочет ли пастор Янус покаяться?» – твёрдо, с металлом в голосе ответил мне товарищ.

– «Не дождётесь!» – думаю, что именно так он сейчас отвечает на обличение Святого Духа, ведь внешне у него всё прекрасно: и Реабилитационный центр работает, и в своей религиозной деноминации он далеко не последний человек, и деньги есть, – подумав, сделал я пессимистичное заключение.

– Может, ты и ошибаешься, – возразил Степаныч. Нельзя спокойно и уверенно жить в окружении доносчиков, хитрых дельцов и бывших наркоманов, и Янус это чувствует и понимает даже лучше, чем мы с тобой, живущие в мирной дружеской атмосфере.

– Ну и пусть остерегается! Ведь не чужой дядя, а он сам приблизил к себе таких людей и возвысил их в церкви.

«Итак, каким образом пастор Янус попал в сети дьявола, мы выяснили. Конечно, в реальной жизни всё было не так просто и не так однозначно, как ты описал, но общие причинно-следственные связи мы установили», – подвёл я промежуточный итог. – Теперь второй вопрос: «Каким образом это отразилось на духовной жизни церкви?».

– Как ты думаешь, если члены церкви обожают своего пастора – это хорошо или плохо? – задал неожиданный вопрос Степаныч.

– Если любят Христовой любовью, то это хорошо. А если обожают, то здесь, смотря, в какой форме выражается это обожание. Если обожание некоторых прихожан или прихожанок сродни тому, как иногда дети обожают своих учителей, то тут большой беды нет: когда духовно повзрослеют, то "детская болезнь" сама пройдет, и дальше они будут уже просто уважать своего пастора и по христиански любить. А вот если пастор сам всяческими ухищрениями и льстивыми словами сам добивается любви и обожания, то тут уже беда: вспомни, о ком в ветхозаветные времена говорили только хорошее?

– О лжепророках. От такого обожания и Иисус Христос нас предостерегал: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!». Поэтому горе церкви, в которой пастор, движимый амбициями, эгоизмом и сластолюбием возжаждал, чтобы верующие любили его и обожали всем сердцем и всем разумением своим.

Я хочу, чтобы ты, Николай, ясно увидел разницу между пастырем, всем сердцем любящим Христову паству и между пастором, ищущим любви у своей паствы, и, увидев, чтобы смог донести это понимание до читателей.

Как правило, пастор – стяжатель чужой любви, много говорит о Христовой любви, много говорит о всепрощении и при этом довольно правильно учит букве Писания, иногда он даже обличает грехи, но его слова и его дела всегда каким-то удивительным образом возбуждают в слушающих восхищение и всеобщее одобрение.

А теперь представь, что члены церкви лицезреют такого пастора и слушают его проповеди в течение пяти, десяти или даже двадцати лет – представляешь, до какого градуса обожания они доходят? Они уже не замечают – не могут увидеть сердцами своими, что слова о любви к Иисусу Христу стали для них лишь привычным религиозным ритуалом, а на самом деле их сердца и их ум давно уже

принадлежат другой личности – их пастору, что только его слово является для них непререкаемым авторитетом.

– Как точно ты подметил насчёт пастора – стяжателя чужой любви! – не воскликнул, а скорее вскрикнул я, поняв, к чему ведёт речь мой друг. За эти годы в той поместной церкви произошла подмена водительства прихожан Духом Святым, на водительство словом пастора Януса – обычного грешного человека, Януса, но так ими любимого и обожаемого пастора. А если учесть, что сам Янус уже больше десяти лет находится в сети дьявола...

Знаешь, Степаныч, теперь, когда понял, насколько члены этой церкви ослеплены обожанием своего пастора, я уже не удивляюсь тому, что они, как само собой разумеющееся воспринимают, что жить по заповедям Христовым их учат доносчики и хитрые дельцы с уголовным прошлым – ведь этих людей им предложил их обожаемый пастор Янус. Теперь я уже не удивляюсь и тому, что члены церкви дружно славят Бога вместо того, чтобы строго спросить со своих пасторов, куда они дели деньги, собранные на Божье служение, то есть, являющиеся святыней Божьей.

Знаешь, Степаныч, теперь мне уже понятно и то, почему вокруг пастора Януса сейчас сгруппировались бывшие наркоманы – выпускники проамериканского реабилитационного центра. Всё это духовная плата за деньги, которые так щедро дают ему заокеанские спонсоры.

Служители протестантских церквей многих направлений носят специальную пасторскую рубашку с колораткой или реверенткой – жёстким белым воротничком в виде ободка, его ещё называют «ошейником» послушания и посвящения Господу Богу.

Но когда я вспоминаю о служителях, попавших в сети дьявола из-за своих чрезмерных амбиций, когда вспоминаю

о служителях, достигших высокого положения в церкви благодаря интригам, доносам, лести и другим нечестивым делам, то язык не поворачивается назвать их рабами Господа Бога.

Нет, их шеи опутаны «ошейниками» дьявола! И сии «ошейники» дьявола ничуть не чище и ничуть не слабее, чем «ошейники» других рабов дьявола, таких, как содомиты, заполнившие протестантские церкви Запада в наши, воистину, последние времена.

Послесловие

В литературном цикле «Пасторы в ошейнике дьявола» автор продолжает вскрывать духовную деградацию поместных церквей, вовлечённых в гуманизм, толерантность, учение преуспевания и другие современные Западные веяния, а также показывает, какие трудности и даже гонения приходится переносить верующим, оставшимся верными заповедям Христовым.

Начало исследованию этих вопросов было положено в цикле «Если Господь вывел Вас из церкви». После выхода той книги мне на электронную почту стали приходить письма, в которых часто задавали вопрос: «Степаныч – это вымышленный герой, или у него есть реальный прототип?» Отвечая, я объяснял, что книга является художественным произведением, и все её герои вымышленные, обобщённые персонажи. Конечно, описывая в литературном цикле те или иные события, я в определённой мере опирался на реальную жизнь, но это далеко не документальное описание.

Так что пусть не где-нибудь в абстрактном далёком, а в вас, уважаемые читатели, люди увидят прототип Степаныча, или Льва, или Виктора, или Гали. Но горе будет тем из вас, в ком другие увидят прототип Януса или Вадима, или Костика, а, может, Наташки – пусть не сразу, но обязательно будет горе, ибо от суда Божьего никто ещё не скрылся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наташкин дневник.....	3
Ох, уж эти Западные реабилитационные центры!	15
Помпадуру друзья не нужны	28
Четыре шага духовного отступничества пастора Януса.....	38
Помпадуру нужны фавориты.....	44
И сказал ему дьявол: попроси у меня, и я дам тебе	55
Послесловие	63

ISBN 978-1-387-54759-3

90000

9 781387 547593